

полномочиями, в частности Советов и их исполнительно-распорядительных органов.

* * *

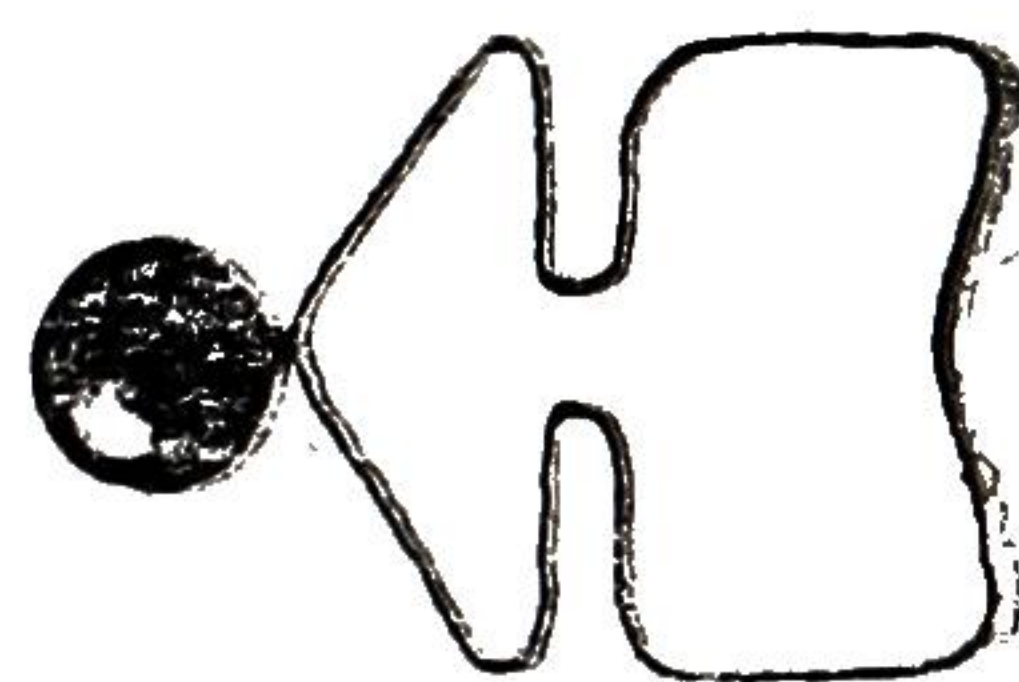
Т. В. Худойкина (НИИ регионологии, Мордовский университет). В Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» необходимо точнее определить систему местного самоуправления. В статье 2 важно пояснить формулировку «...иные формы демократии». Иначе непонятно, какой смысл вложен в это очень широкое и часто употребляемое выражение применительно к содержанию данного раздела.

На наш взгляд, система местного самоуправления, закрепленная в Законе, является неполной и потому, что в нее не включены органы производственного самоуправления. Деление местного самоуправления на производственное и территориальное может дать значительные результаты. В Законе следует также закрепить и формы взаимодействия органов производственного са-

моуправления с Советами народных депутатов, а также с органами территориального общественного самоуправления.

Прошедшие избирательные кампании показали, что вопрос о представительстве производственных и территориальных интересов стоит очень остро. Сегодня выборы проходят так: избиратели по месту работы выдвигают одних кандидатов, которых знают, которым верят, а по месту жительства голосуют за человека, о котором, может быть, даже не слышали. Поэтому выборы следует проводить по производственным избирательным округам (сочетать выборы по производственным и территориальным округам). Например, для работающих выборы проводить в производственном округе, а для неработающих — в территориальном. Тогда местные Советы необходимо будет преобразовать в двухпалатные органы власти: одна палата представляла бы территорию, а другая — интересы трудовых коллективов, расположенных на этой территории.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«КРИТИКА СТЕРЕОТИПОВ» И СТЕРЕОТИПЫ КРИТИКИ

Н. И. ЕНАЛЕЕВ, кандидат философских наук

Социальная жизнь немыслима без стереотипов. Они проявляются то как предрассудки, то как продуктивные сгустки опыта, избавляющие от ежечасного «изобретения велосипеда». Поэто-

му критический анализ общественной жизни естественно включает в себя так называемую «критику стереотипов». Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что она сама нередко

оказывается пронизанной старыми стереотипами, будучи в изрядной степени во власти того типа мышления, которое подвергается страстному отрицанию.

Критика как духовный элемент социального отрицания имманентна процессу качественного преобразования общества. В условиях кризиса она составляет основную тональность «сейсмических» процессов, происходящих в общественном сознании. Лавинообразный рост объема социальной критики порождает большие ожидания. Однако эффективность социальной критики отнюдь не определяется напрямую ее распространенностью или степенью остроты и является производной, вторичной по отношению к целой совокупности общественных условий. Немаловажную роль при этом играет и *качество самой критики*, повышение которого невозможно без объективного анализа последней. Развитие своеобразной метакритики — задача весьма сложная, но без пристального внимания к ней жизни социальной критики не только не послужит силам, которые выпустили его из сосуда, но и может оказаться во власти тех, кто опять заманит его в сосуд и закупорит в нем (как уже бывало) лет этак на двадцать. В частности, дальнейшее развитие социальной критики невозможно без правильной диагностики «детских болезней» раннекритического сознания.

Одним из противоречий обновления общественного сознания является то, что фундаментальные предрассудки прошлого цепко удерживают нередко даже самых радикальных его критиков. Будучи неразрешенным, это противоречие образует тот заколдованный круг, в котором происходят самые парадоксальные метаморфозы: мужественный критик культа личности Н. С. Хрущев не смущается попыткой создания нового культа, яростные критики тоталитаризма и межнационального диктата готовы законодательно закрепить дискриминацию и национальный протекционизм, угнетенное еще вчера инакомыслие обнаруживает такую нетерпимость к чужой мысли, которой могла бы позавидовать средневековая инквизиция.

Что касается половинчатой, эклек-

тичной критики прошлого, то связь ее со стереотипами старого мышления устанавливается без особого труда. Чаще всего в ее основе лежит «диалектика качалки» («с одной стороны — с другой стороны»): был культ, но была и вера, был застой, но было и единство и т. д. Нетрудно заметить, что такой взгляд остается в основном в рамках «критики отдельных недостатков, ошибок и упущений», так распространенной в недавнем прошлом, консервативный социальный смысл которой улавливается уже интуитивно.

Обнаружение старых стереотипов в сверхрадикальной или *тотальной* критике прошлого — дело более сложное, ибо она порывает с прошлым еще до встречи с ним, в известном смысле априори, и любая попытка установить ее связь с тоталитарным мышлением может показаться парадоксальной.

Тотальное отрицание, «синдром отбрасывания прошлого» — элемент сознания всех революционных эпох. Значительный опыт такой болезни наше общество уже имеет. Но, кажется, история действительно ничему не учит. Эта болезнь проглядывается в тотальном отрицании прошлого, которое легко перемалывает десятилетия нашей истории, лишь чуть-чуть приостанавливаясь в начале 20-х годов, подходит к Октябрьской революции и... не долго стоит в нерешительности, обнаруживая сокрушительную (в прямом смысле слова) легкость. В такой критике властвует сформированная совершенно определенной практикой и философией идея «большого скачка», с той лишь разницей, что раздается призыв к предварительному «большому скачку» назад, к той роковой точке, в которой общество некогда свихнулось.

Историческая программа тотальных критиков прошлого проста и утопична в своей простоте: «разрушить до основания» и на «чистой доске» начертать новую схему развития. (Соблазн многих революций, причина многих трагедий!). Эта утопия отвлекается, в частности, от того непреложного факта, что новое создается людьми, пришедшими из прошлого, изменяющимися по мере

своего участия в преобразовании жизни с раздражающей сверхрадикалов постепенностью. Любая программа или политика, не учитывающая этого факта, оборачивается антигуманной практикой. Нетерпеливая расчистка места для исторического взлета чревата тем, что на желанной строительной площадке могут остаться лишь одни отчаянные «прорабы» нового с кучкой своих фанатичных сторонников и частью масс, бессловесно исполняющих их волю. С разной степенью убедительности история неоднократно демонстрировала этот сюжет. Но люди с большим трудом извлекают позитивные выводы из негативного опыта...

От ряда фундаментальных догм и мифов прошлого несвободно и такое его тотальное отрицание, которое интерпретирует обновление общества как становление его на некую единую магистральную линию прогресса, гарантирующую процветание, от которой оно отошло в своем более чем семидесятилетнем развитии. Миф о *единственности* пути, ведущего к счастью человечества, проступает тут довольно очевидно. Тоталитарное сознание считало, что именно оно нащупало этот путь, а сегодня кому-то кажется, что бога за бороду держали и прочно удерживают другие, прежде считавшиеся обреченными. Реальное многообразие, вариативность исторического процесса остается в тени. Желание раз и навсегда «оседлать» его остается. Идея гарантированного (кем?!) прогресса продолжает владеть умами.

Кого трудно упрекнуть в приверженности к тоталитаризму, так это критиков бюрократизма. Занимаясь одной из ключевых проблем перестройки, они вызывают заслуженную симпатию. Однако существуют теоретические работы, которые доказывают, что бюрократия представляет собой особый общественный класс. Схема этих построений предельно проста: анализируется ленинское определение классов, а затем у бюрократии обнаруживаются все широко известные классовообразующие признаки (авторов не смущает легкость процедуры такого открытия, главными условиями которого являют-

ся ленинское определение классов и разрешенная смелость).

Казалось бы, бюрократия оказывается в сетях теоретического определения, как только ячейки этой сети приводятся в соответствие с параметрами классов. Но уже сами авторы определения бюрократии как класса чем-то недовольны и дополняют его оговоркой о том, что не все бюрократы бюрократичны, что есть «хорошие управленцы» и т. п. (Такого рода оговорки стали у нас универсальным средством прикрытия нестрогости научной мысли). По существу, это вводит в определение сильнейший субъективный элемент, лишает его научности.

Связь с традицией подведения действительности под устоявшиеся теоретические схемы тут очевидна, и можно было бы ограничиться ее фиксацией, если бы не одно обстоятельство. Большинство сторонников такого взгляда на бюрократию мыслят в ярко выраженной актуальной плоскости и поэтому теоретический их анализ неотделим от рекомендаций общественной практике, в частности, политического порядка. Перенесение на борьбу с бюрократизмом модели борьбы антагонистических классов противоречит здравому смыслу, обнаруживает очевидную политическую несостоятельность. Идея борьбы антагонистических классов, соединенная с массовым социальным движением, не может не проявить своей тотальной природы. Такая борьба, как показывает история, не терпит исключений. Эта тотальность обуславливается не только накалом страстей или низким политическим сознанием масс. Она задается объективно и в определенных условиях (которые у нас обобщены в понятии революционной ситуации) принимает грозные очертания столкновения «больших групп людей» в революции или гражданской войне, реализуется в историческом катаклизме.

Так классовый подход, употребляемый вульгарно, вне четко очерченных условий своего применения, превращается в теоретический предрассудок и сближает искренних противников тоталитаризма с теми, кто инспирирован-

ной классовой борьбой пытался решать проблемы, требующие совсем других методов разрешения.

Сказанное совсем не означает аналогию бюрократизма. Речь идет о том, что этот феномен оказывается «неуловимым» для подхода, который упрощенно представляет социальную структуру общества и методы ее изменения.

Демонстрацию случаев, когда радикальнейшая критика определенных форм жизни и соответствующей им идеологической парадигмы пронизывается старыми догмами и мифами, можно было бы продолжить. Но, думается, это мало что могло бы прибавить к сути тенденции, обозначенной довольно ясно.

В чем же истоки такой внутренней парадоксальности критического мышления?

Выскажем несколько соображений по этому предмету, исключив сразу же возможность того, что носители рассмотренных взглядов не в ладу с элементарной логикой. Отставим и важный сам по себе сакраментальный вопрос «Кому это выгодно?». Первое было бы недопустимой бестактностью. Второе же требует самостоятельного и тщательного анализа и при беглом рассмотрении привело бы к упрощенным представлениям о соотношении теории и ее социальной подоплеки.

Указанные парадоксы, в частности тотальной критики, в большой мере обуславливаются тем, что некоторые представления и теоретические положения, объективно имеющие исходное значение, как бы не имеются в виду авторами критических построений и могут даже восприниматься как приписанные им. Сверхрадикальная критика содержит в себе сильный эмоциональный момент, она пронизана пафосом отрицания. И этот пафос не только окрашивает критическую мысль, но и, в известном смысле, служит ей основанием, подменяя собой рациональные послышки. (В критической ситуации поле иррационального в общественном сознании вообще расширяется).

Одно из важнейших объяснений выявленного парадокса находится в непреложных законах преемственности

развития общественного сознания. Критическое мышление, создающее предпосылку перехода общественного сознания в новое качественное состояние, само многозначно связано со старым мышлением. (Мгновенное «прозрение общества» — иллюзия, уязвимая и с гносеологической, и с политической, и с этической точки зрения). «Раннекритическое» сознание, разновидностью которого является тотальная критика, неизбежно содержит в себе ощутимый элемент поверхностности. Его крайняя радикальность сочетается с неразвернутостью, неразвитостью фундаментальной специфики нового мышления.

Основоположения общественного сознания оказываются гораздо менее «поворотливыми», нежели его верхние слои. (Не случайно сегодня изменение парадигмы философского мышления «отстает» от динамики многих форм общественной мысли). При оптимальном течении социально-инновационных процессов постепенно разрабатываются, трансформируются и обновляются самые основания, исходные постулаты, которые вначале лишь приходят в движение, перестают жестко детерминировать общественную мысль.

По мере качественного преобразования всего общественного сознания (и в сугубо гносеологических, и в аксиологических аспектах) социальная критика становится более последовательной и продуктивной. Одновременно в ней уменьшается содержание сверхрадикальных компонентов, ибо отходят на второй план многие иллюзии, составляющие, как говорил Ш. Фурье, тон всякой революционной эпохи, нарастает ощущение наличной реальности. Устанавливается подвижное равновесие критики и апологетики, радикализма и здорового консерватизма.

То, насколько в действительности реализуется эта, в сущности, идеальная схема, зависит от многих факторов, в первую очередь от состояния и характера взаимодействия всех структур общества. Если же оно в силу комплекса причин оказывается перед лицом кризиса — снова начинается весь описанный цикл.

Конечно, тотальное отрицание — неприятная «подробность» общественного сознания, особенно в своих политических проявлениях, где она возмущает очевидной неконструктивностью, бескомпромиссностью и т. п. Однако, если быть последовательными в движении к оптимальному плюрализму, никак нельзя стремиться к простому уничтожению даже крайне радикального мышления «силовыми» методами, ибо этим можно только загнать его вглубь — в область «скрытого» сознания или даже в подсознание, что чревато самыми неадекватными или даже уродливыми и катастрофическими выходами этих тенденций сознания в об-

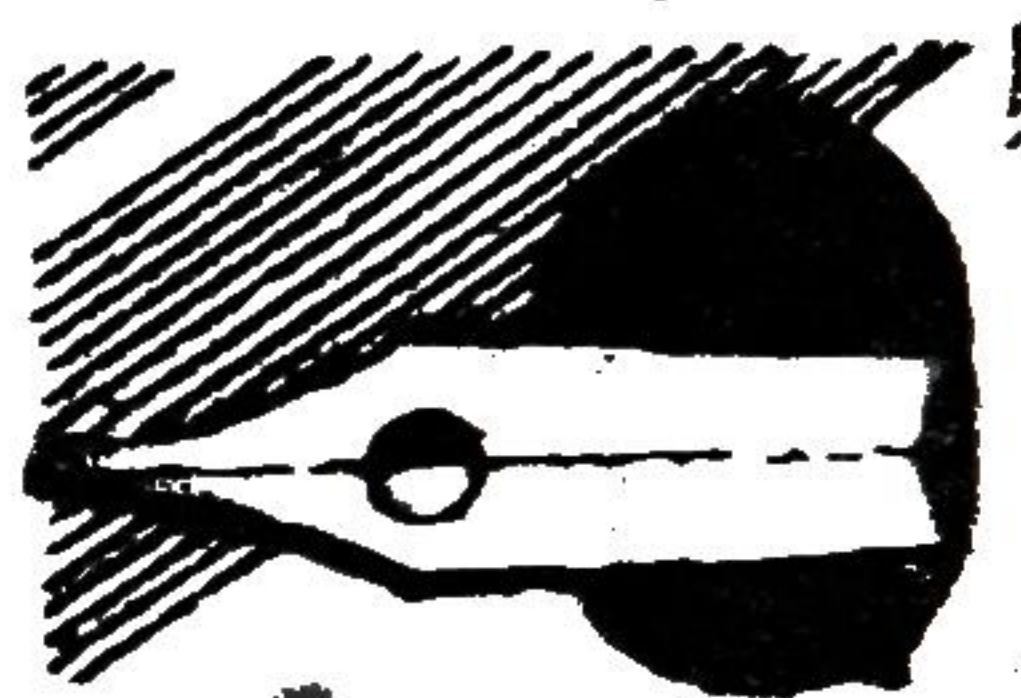
ласть практики, в том числе политики. Взвешенный подход формируется лишь тогда, когда есть что «взвешивать». Иначе он вырождается в идеологическую диктатуру. Анализ, критика, сверхрадикальных идей, дискуссия, налаживание трудного диалога обязательны в становлении продуктивного плюрализма, рамки которого не устанавливаются административно, а вырастают из этого взаимодействия и лишь закрепляются в правовой и организационной сферах.

В плане такого диалога и высказаны эти, разумеется, далеко не бесспорные суждения.

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ.

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ

(К 150-летию со дня рождения)

16(28) января 1841 года в семье сельского священника села Воскресенское Пензенского уезда мокшанина отца Иосифа родился первенец, которого нарекли Василием. Отец, Осип Васильевич, по одним данным, происходил из крестьян, по другим — принадлежал к духовному сословию. Он успешно закончил Пензенскую семинарию, работал преподавателем Пензенского приходского училища, затем до конца дней своих был священником в селах Воскресенское и Можаровка Пензенской губернии. Мать — Анна Федоровна Мошкова — дочь протоиерея церкви. Родители весьма различались характерами. По воспоминаниям Ключевского, его отец был начитан, отличался простым и кротким нравом, любил народные песни и танцы. Любовь и уважение к отцу Ключевский хранил всю свою жизнь. Мать будуще-